

СИГИЗМУНД  
КРЖИЖАНОВСКИЙ

*Штрихадунтан катогорни рассуока*



# Сигизмунд Доминикович Кржижановский

## Тридцать сребреников

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=178404](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=178404)  
Тринадцатая категория рассудка: Эксмо; М.; 2006  
ISBN 5-699-18798-7*

### Аннотация

«Прозеванным гением» назвал Сигизмунда Кржижановского Георгий Шенгели. «С сегодняшним днем я не в ладах, но меня любит вечность», – говорил о себе сам писатель. Он не увидел ни одной своей книги, первая книга вышла через тридцать девять лет после его смерти. Сейчас его называют «русским Борхесом», «русским Кафкой», переводят на европейские языки, издают, изучают и, самое главное, увлеченно читают. Новеллы Кржижановского – ярчайший образец интеллектуальной прозы, они изящны, как шахматные этюды, но в каждой из них ощущается пульс времени и намечаются пути к вечным загадкам бытия.

# Содержание

I	4
II	7
III	9
IV	13
V	14
VI	15
VII	16

# Сигизмунд Кржижановский

## Тридцать сребреников

*И, бросив сребреники в храме, он вышел, пошел и удавился.*

*Первосвященники, взявшие сребреники, сказали: «Непозволительно положить их в сокровищницу церковную; потому что это цена крови».*

*Сделав же совещание, купили на них землю горшечника для погребения странников.*

*Посему и называется земля та «землею крови» до сего дня.*

### I

Этими четырьмя стихами берусь накормить дюжину томов и развернуть их в десяток авантюрных романов. В самом деле, пересмотрим образы: горсть монет, брошенных на плиты храма; удавленник в петле; корыстолюбец-горшечник, не слишком приноживающийся к запаху денег; эффектное заглавие – «Цена крови»; кладбище для расстранствовавшихся странников; наконец, мастерски сделанный последний стих, который, взяв квадрат земли, отчужденный под покойников, за четыре ее конца, растягивает кладбище до... Ну, это уж будет зависеть от того, реалист, символист или романтик возьмется за разработку темы.

Я давно уж брожу вокруг третьего стиха цитаты и однажды вошел в него, но не через те двери: я постарался представить себе отмер земли, иссохлой и расщеленной зноем, под порослями сухоиглых тернов, локтей сто на сто или около того; вокруг пути и тропы, паутина дорог, поставляющая отстранствовавших странников. Тут тема задавала мне вопрос: почему первосвященники, приобретая землю под кладбище, заботились исключительно о чужестранцах, а не о своих, не о иерусалимлянах, или, наконец, не о своем первосвященничьем часе. Стих четвертый разъяснял: цена крови. Первосвященники, ведшие процесс против Иисуса с тонким знанием канонического права, и в данном случае не заслуживают упрека в бесхозяйственности: никоим образом нельзя зарывать в опоганенную кровью землю своих, ну а с чужими можно не церемониться. Но дальше тема начинала морщить: ведь странников было много, а земли мало, трупов прибывало, кладбища – нет. Таким образом, земля крови, как бассейн без отливных труб (таких ни в одном заданике не бывает), слишком скоро наполнялась по самую ограду и тема застопоривалась; приходилось прибегать к призракам, бродящим над могилами, апеллировать к непоседливости странников, которые даже и в могилах не могут, мол, долежать спокойно до судной трубы, одним словом, пускаться на обветшалые романтические трюки, которые ни цензура, ни хороший вкус (редкое совпадение!) не пропускают.

Тогда я, обойдя стих кругом, вошел в него через «купи-

ли» и выбрал в герои тридцать сребреников: это неромантично, звонко, доступно счету и относительно нетленно. Ведь в самом деле, кто и что осталось от евангельской истории о смертях: одного распяли, другой повесился, третьих, говорю о странниках, одного за другим врыли в землю крови. В обращении остались лишь тридцать звонких монет: за ними, куда бы ни покатались сребреники, пойдет мой рассказ. Начинаю.

## II

Сребреники как сребреники: гладкий круглый край, четкий оттиск цифр, металлически острый голос. Но, очевидно, было в них вчekanено нечто, свойственное только им, тридцати: сребреники, купившие успокоение странникам, сами были странниками, не знающими успокоения, – вчekanенный в них сребренный зуд отдергивал их от пальцев к пальцам, перебрасывал из кошельков в кошельки, пока не... но давайте по порядку.

Каиафа отдал их Иуде; от Иуды они тотчас же вернулись в сокровищницу Каиафы; но она не приняла их, – и деньги перешли к горшечнику. Горшечник, замотав все тридцать в тряпицу, зашагал не спеша из улицы в улицу, направляясь к северным воротам; жил он в Прииерусалимии, за городской стеной, и к закату рассчитывал добраться до своей лачуги. Но сребреникам не лежалось под тугим узлом, и, свернув в харчевню, горшечник размотал тряпицу. Сначала он выпил на один сребреник, потом на другой, – и все тридцать, весело звеня о прилавок, перекатились от горшечника к трактирщику. Тут, соблюдая традиции легендописцев, легко было бы сочинить, что горшечник спрашивал белого вина, но ему приносили красное, с привкусом крови и т.д. и т.д., – но так как я не сочиняю, а рассказываю подлинную правду, то мне придется ограничиться сообщением, что до ворот гор-

шечник дошел, хватаясь руками за городскую стену; за воротами не за что было хвататься, кроме как за землю, что горшечник и не преминул сделать. Утренний холод разбудил его: голова была налита свинцом, в руках – ни сребреника.



### III

Но серебряный зуд, вчekanенный в тридцать, только-только начинал свое странствие с ладони на ладонь, из пальцев в пальцы. Трактирщик, получив серебряники, стал дожидаться новых. Но тут оказалось, что тридцать сыграли с ним плохую шутку. Когда завсегдатаи харчевни узнали, что выручка за кровь пророка, – об этом только и было речи в те дни в Иерусалиме, – попала в кассу заведения, в котором они угощались, – тотчас же, выплескивая вино из чаш, они стали расплачиваться и требовать сдачи. Хозяин придвигал им серебряники – кому один, кому два, а кому и более; но набожные пьяницы подняли крик:

- Цена крови.
- Нечистые деньги.
- Давай другие.

Трактирщик клялся, что это и есть другие, но так как все серебряники одинаковы, то посетители харчевни, приглядываясь к монетам, недоверчиво покачивали головами и требовали других и других. Монеты прыгали из пальцев в пальцы, стучались о столы и скоро, спутавшись – чистые с нечистыми, – в бешеной серебряной пляске кружили от стен к стенам. Потом скамьи опустели и хозяин долго ползал по полу, сгребая в кучу свою расплзшуюся кассу.

Прошел день и еще день: ни один человек не переступил

порога харчевни. Вино, заждавшись гостей, стало киснуть. Сняв крышку с глиняного сосуда, хозяин зачерпнул и попробовал: как оцет.

– Проклятый горшечник, – пробормотал он и решил действовать. Открыв кассу, он стал, вздыхая и причитая, отбирать те тридцать: трактирщик помнил, что монеты горшечника были не истерты и новы, только что из чекана. Но все же он тотчас же запутался в серебряной гряде; прибирая монету к монете, несчастный получал коллекцию то в двадцать девять, то в тридцать один серебряник: те или не те – как докажешь?

Тем временем горшечник, проспавшись, вернулся восво-  
яси и снова стал лепить свои горшки. Но не прошло и трех дней, как дверь его лачуги раскрылась и вошел трактирщик. Швырнув на пол серебряники, он сказал:

– На все тридцать.

И, подняв палку, стал бить горшки. Изредка он останавливался и, отирая пот, спрашивал:

– Ну что, много еще? Почем амфора? Два дидрахма: ч-  
чах! А эта? Полсеребряника. Отсчитай: дз-зинг! Светильник.  
Пять динариев? И светильник. Р-раз!

И, кончив расправу, трактирщик швырнул поверх череп-  
ков палку и повернул спину.

– Эй, господин! – закричал ему горшечник вслед. – Вы не  
добили на десяток лепт. Мне не нужно лишнего. Получайте!

И в спину трактирщику полетела глиняная миска.

Вернувшись домой, трактирщик ждал, что дела его пойдут по-старому. Столы были чисто вымыты, в кувшинах пенилось новое вино, двери были настежь. Но никто не переступал порога харчевни. Суеверный трактирщик снова стал рыться в монетной гряде: не запрятался ли там еще один из проклятых тридцати? Многие из сребреников казались подозрительными, – он отбирал их – один за другим – с тем, чтобы раздать нищим. Но нищие, знавшие, откуда к трактирщику пришли сребреники, отказывались принять подавание. Он отнес деньги блуднице, но и та не захотела продать ночь за цену крови. Поздно ночью он бросил деньги на дорогу. Но и это не помогло. Несчастье не покидало дома. «Может быть, из-за какого-нибудь одного?» – подумал трактирщик и снова стал разглядывать, испытывая на звон и на глаз оставшиеся монеты. И с наступлением новой ночи новая горсть сребреников упала в прах дорог. Неизвестные монеты находили странники, с рассветом начинавшие свой путь, крестьяне, подвозившие еще с ночи к городу продукты: опоганенное серебро расплзлось по кошелькам и сумам, по городу и миру. Посев Иуды обнаруживал некую схожесть. А несчастный трактирщик, расшвыряв почти все свои деньги, разбил свою голову о стенку, как если бы и она была грошовым горшком. И очень хорошо сделал, так как, останься он в живых, история моя о тридцати сребрениках растянулась бы на тридцать глав и стала бы подозрительной по романтизму и, пожалуй, даже мистике. Поэтому, покончив с трактир-

щиком, пора перейти из эпизода в эпизод: от размозженной головы к битым горшкам.

## IV

Горшечник сгреб черепки в кучу и выбросил их за порог; собрал сребреники, но за порог их не выбросил, а стал думать, куда сбыть нечистые деньги. Трактирщик, наверное, раззвонил всюду о случившемся. Надо переждать. Но не прошло и дня, как в дверь к горшечнику постучался пристойного вида старик, который, оглядевшись по сторонам, спросил:

– Те тридцать у тебя?

– Какие тридцать? – притворился недоумевающим горшечник. – А если б и были, что кому до них?..

– Плачу за тридцать двадцать. Больше никто не даст.

Поторговались. Сошлись на двадцати пяти. Первая в мире валютная сделка – состоялась. Старик, стараясь не дотронуться пальцами до сребренной нечисти, подставил под тридцать монет кожаный мешок, стянул его в три узла и, поклонившись изумленному горшечнику, скрылся в сумерках.

Придя в свой дом, набожный старик омыл руки и прочел очистительные молитвы. А наутро тридцать сребреников пересыпались из кожаного мешка в холщовую суму мытаря, пришедшего за сбором податей.

## V

Мытарь, получивший под расписку сребреники, был тем самым «добрым мытарем», послужной список которому может заменить притча. Это был честнейший человек, которого знала и уважала вся округа. Погоня голыми пятками своего осла, он ездил от дома к дому, вызванивая колокольцем налоги и недоимки. За десятки лет своей работы он не утаил ни единой драхмы; может быть, и сейчас ему удалось бы довести тридцать сребреников до казнохранилища, но мытарю, только что начавшему свой объезд, предстояло еще постучаться у сотен дверей и сделать долгий и медленный путь, а сребреникам было невтерпеж, сребренный зуд тянул их из мешка в мешок, из пальцев в пальцы, от людей к людям, из стран в страны. И беспорочный мытарь растратил сребреники. Как это случилось – он и сам не мог понять. И если б только тридцать. Можно было б пополнить. Но у мытарева осла был тряский ход: Иудино серебро перемешалось с другими монетами; сребреники растолкали сонную медь и неповоротливые литые мины и, увлекая их за собой, выпотрошили начисто мешки. Мытарь не стал ждать суда: он сам себя судил и осудил. Следуя совету Писания, мытарь, бывший некогда добрым, привязал к шее камень и бросился головой в колодезь. И его со счетов.

## VI

Растроченные монеты расплозились – как это всегда бывает – по игорным столам, по притонам разврата, – в прах человеческий; на монетах, попавших сюда, никогда не бывает ржавчины, они скользки и юрки и не знают утомона.

Тем временем и дом самоубийцы-трактирщика опечатали, оставшиеся деньги с запрятавшимися в них сребрениками Иуды конфисковали и препроводили в Рим, в государственное казнохранилище. Десятка одержимого странническим зудом монет оказалось достаточным, чтобы разбудить полуоплесневелое серебро и золото римских подвалов. Разворошенные груды монет стали искать выхода за пределы мешков и государственных границ; мириады крохотных металлических дисков стали на свои рубчатые и гладкие обода и покатались по всей земле, ища рынков и территорий. Дорогу серебряным дискам прокладывали железные щиты: так начались империалистические войны, трудолюбиво выравнивавшие путь беспокойным, вечно убегающим от себя самих тридцати сребреникам. Не прошло и несколько десятков лет, как они, ведя за собою армию Тита, вернулись в Иерусалим, свалили ему стены и бросили их в прах, как некогда бросили их, сребреники. Тогда преданный огню и мечу город пророков и ростовщиков познал наконец цену крови.

## VII

С каждым новым абзацем мне все труднее и труднее поспевать за сребрениками. Ведь слова обращаются медленнее, чем монеты. История, которую я безуспешно пробую догнать, похожа на колесо о тридцати спицах: вначале оно кружит медленно, потом скорее и скорее, мелькание спиц сливается в сплошной металлический диск, как бы в громадный сребреник, который никак не спрячешь ни в ладонь Иуде, продавшему Христа, ни в кожаный кошель учтивого старичка, купившего валюту. Если раньше я мог задерживаться на эпизодах о горшечнике, мытаре и не помню каких там еще, то сейчас приходится, отбросив образы, просить помощи у длинноногих сухих схем.

Дознано: один из сребреников впрыгнул в церковную кружку и тотчас же стал бить о ее стенки тревожно. В ответ, грохоча латами, поднялось рыцарство: начались крестовые походы. Другой пролез в карман к ученому-экономисту, и тотчас же из кармана в голову проникла идея, впоследствии разработанная в так называемую теорию денежного обращения: оказывалось, что богатства не в богатстве, а в быстроте обращения денежных единиц. И сребреники, надав скорости, еще стремительнее закружили по кружащейся земле. Вот мелькнуло бритое лицо Бритта Джона Ло с выпяченным



ртом, похожим на отверстие копилки: на смену «credo»<sup>1</sup> – кредитки; у сребреников вырастают бумажные крылья. Карусель вертится все скорей и скорей. Тридцать звонких катышей раскатились по всему миру. Раскройте любой справочник: он вам сообщит, что все тридцать европейских государств... нет, я положительно не успеваю за сребрениками. Они ерзают из пальцев в пальцы, звенят о сетки касс, перешвыриваются с континентов на континенты. Время истерло их чекан и знаки: сейчас любой из тридцати можно принять и за франк, и за марку, и за лею, и за шиллинг. Обезличенные, безотличные, истертые о миллионы ладоней, тридцать сребреников стали неуловимы, и я не могу вам обещать, терпеливый читатель, что в последнюю вашу полочку вам не всучили одного из них. Конечно, нехорошо быть мнительным, но я вот не могу отделаться от мысли: стоит ли обменивать эту вот итоисётину на построчную плату; а вдруг за мою историю о сребрениках заплатят... сребрениками?

---

<sup>1</sup> Вера (лат.).